

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Резеда

«Public Domain»

1932

Куприн А. И.

Резеда / А. И. Куприн — «Public Domain», 1932

«Скромный, мало известный, но все-таки талантливый и многими любимый писатель Иван Горбачев получил однажды, через редакцию, небольшое письмецо: „Дорогой Иван Иванович! Случайно нашел в одной из русских газет, издающихся в Париже, Вашу отличную статью о Марлинском (Бестужеве), подписанную Вашим давним, еще С.-Петербургским псевдонимом, и захотелось мне брюхом (как говорил древле Александр Сергеевич) снова повидаться с Вами, выпить по стакану, по два, по три доброго вина, поговорить о странностях любви, о поэзии, о превратностях судьбы, о музыке и балете. Если это письмо дойдет до Вас, приезжайте ко мне, в мой одинокий домишко, зовущийся „Вилла Резеда“. Но сначала известите меня о приезде, чтобы я мог Вас встретить. Адрес: Город Тур, отель „Националь“. Ваш Федор Алексеевич Серебрянников“...»

© Куприн А. И., 1932

© Public Domain, 1932

Александр Иванович Куприн Резеда

Скромный, мало известный, но все-таки талантливый и многими любимый писатель Иван Горбачев получил однажды, через редакцию, небольшое письмецо: «Дорогой Иван Иванович! Случайно нашел в одной из русских газет, издающихся в Париже, Вашу отличную статью о Марлинском (Бестужеве), подписанную Вашим давним, еще С.-Петербургским псевдонимом, и захотелось мне брюхом (как говорил древле Александр Сергеевич) снова повидаться с Вами, выпить по стакану, по два, по три доброго вина, поговорить о странностях любви, о поэзии, о превратностях судьбы, о музыке и балете. Если это письмо дойдет до Вас, приезжайте ко мне, в мой одинокий домишко, зовущийся „Вилла Резеда“. Но сначала известите меня о приезде, чтобы я мог Вас встретить. Адрес: Город Тур, отель „Националь“. Ваш Федор Алексеевич Серебрянников».

У Горбачева как раз выпадало, по его службе, три свободных дня. Он телеграфировал старому приятелю, что приедет через полсуток, к семи часам пополудни, и очень быстро уложил свой походный чемодан, выдавший очень многое в своей кочевой жизни. Ранним утром поехал он по железной дороге в Тур. Путь не был долгим: всего часов шесть без малого или с небольшим излишком. Без труда нашел Горбачев гостиницу «Националь», где его уже дожидался Серебрянников. Они по-прежнему, по-псевдорусски, трижды облобызались. Но встреча, после пятнадцатилетней разлуки, была сначала и нелегка, и стеснительна, и как-то принужденна. Сразу увидели друг у друга седину в волосах, морщины на лице, утомленные, потерявшие прежний блеск глаза, уже требующие толстых стекол. Но день был теплый, радостный, обед в гостинице – превкусный, местное белое вино – упоительно прекрасно. Уже за кофеем, поданным на веранду, густо затканную виноградными лозами, приятели, сами того не замечая, нашли друг в друге прежние забытые лица, прежние милые, знакомые голоса. Впечатление недавней суровой отчужденности ласково сгладилось.

Закуривая сигару, так приятно запахшую в предвечернем воздухе, Серебрянников сказал:

– Как я люблю этот старый тихий, благородный город Тур. Давным-давно уже знаю его, а все он не может ни наскучить, ни надоест мне. Ведь, подумайте, нигде во Франции, ни в одном департаменте или городе не говорят таким прекрасным, чистым и красивым языком, как здесь. И нигде, пожалуй, так не любят цветы и не умеют за ними ухаживать, как в Турени. Недаром ее и называли раньше «Садом Франции». В Туре мужчины вежливы и внимательны; женщины прекрасны, спокойны и горды. Жаль, что сегодня нам осталось уже мало времени, а то бы я показал вам все, чем знаменит наш старый Тур: кафедральный собор, с его удивительным витражом, почтенные развалины крепости одиннадцатого столетия, осколки древних рыцарских башен и многое другое... Особенно мил небольшой, хорошо сохранившийся дом, который был выстроен по приказанию славного короля Франциска Первого для его друга и гостя, великого художника Леонардо да Винчи. Какой там чудесный камин и как наивно, как красноречиво прелестна простая студия маэстро!.. Но уже надвигается вечер. Чтобы нам засветло попасть на виллу «Резеда», надо ехать немедленно. У меня двухколесный экипаж, а дорога нельзя сказать чтобы была особенно гладкая.

Ему подвели к воротам гостиницы стройную молодую лошадь, запряженную в двуколку с необычайно высокими колесами. Они уселись и поехали. Хозяин правил. Горбачев немного устал от железной дороги и от крепкого сладкого вина. Его борол дремота. Точно сквозь колеблющиеся вуали, видны были по обеим сторонам дороги яблоневые и грушевые деревья, низко клонящие под бременем плодов свои ветви; на полевых межах, точно долговечные сторожа, стояли узлистые, крепкие грецкие орехи, широко распустившие свои кроны. Неиз-

вестно, как они проехали эти пять-шесть верст до имения Серебрянникова. Запомнились лишь розово-малиновые облака заката, отороченные расплавленным золотом; запомнился радостный, нетерпеливый лай собак, учуявших издали своих людей. Высокий русский работник открыл им ворота, светя ручным фонарем. Спать друзья легли рано.

На другой день Горбачев встал с зарею, но уже застал хозяина в саду, за работой. На нем был белый широкий халат, как на хирурге или живописце. Утро было яркое и прохладное. Казалось, что остатки ночного тумана еще висят, цепляясь за кусты, и деревья, и травы, и тают на солнце в радужных переливах.

Удивительный аромат – нежный и прекрасный – отчетливо стоял в воздухе. Он как будто давно уже был Горбачеву известен, близок и радостен, но он никак не мог его узнать, а только ловил его жадными ноздрями.

– Чем это так прелестно пахнет, Федор Алексеевич?

– Ах, господи, да неужели забыли! Резеда, мой друг, резеда! Самый милый, самый любимый и самый застенчивый русский цветок: резеда, сохранившая в путях на север свое персидское наименование. В нашем доме она играет роль семейных пенатов. Однако здравствуйте. С добрым утром! Смотрите, вот идет мой сотрудник и пайщик, урядник славного донского войска станицы Раздорской, Петр Евстафич Гладков. Прошу любить и жаловать. Познакомьтесь, господа. Вы, Гладков, принесли бы нам всем троим кофе сюда в сад, а я покамест покажу моему приезжему другу наше хозяйство.

Они пошли смотреть хозяйство. Оно было больших размеров: в два гектара, чуть поменьше двух русских десятин, но Горбачев должен был откровенно сказать, что еще ни разу в жизни, ни в любительских фермах, ни в агрикультурных школах, ни в садах и цветниках профессионалов, ни на хозяйственных выставках он не видывал такого чудесного соединения упорной творческой работы, математической практичности, вкуса, знания красоты и восторженной любви к делу, как на вилле «Резеда».

Серебрянников водил его по узеньким дорожкам, геометрически пересекавшим его владения, и давал объяснения таким же ласковым, нежным и глубоким тоном, каким говорят матери, показывающие своих обожаемых грудных детей.

– Нет, вы присмотритесь-ка! Ни один квадратный дюйм у нас не вдовствует, не пустует и не затеняет соседей. Только что снимем ранние весенние овощи – сейчас же обильно удобряем истощенную землю и уже заботливо подготовляем ее к летнему и осеннему материнству. Поглядите, как мы жадное заботливо бережем каждый кусочек места. Вот, например, курятник. В умелых руках основательное куроводство – это верный и солидный источник дохода. А кроме того, куриный помет – незаменимое удобрение для многих деликатных цветов и для тонких овощей. Но курятник, видите ли, к нашему огорчению, занимает не менее чем шестнадцать квадратных сажен. Этакая досадная утрата. Но мы все-таки перехитрили чертов курятник. Мы на его плоскую крышу навалили аршинный слой лучшего чернозема, утрамбовали его и посадили в нем самые редкостные сорта салатов, нуждающихся в заботливом попечении. Ну, я вам скажу, и всходы же у нас были на курятнике. Просто великолепие!

С такой же строгой экономией света, воздуха и места развели мы наш плодовый сад. Смотрите: все яблони у нас карликовые, не выше, как по бедро взрослому человеку, и это все один и тот же сорт – изумительный кальвиль. Царь всех яблоков, который в разрезе благоухает лучшей клубникой. А в промежутках между яблоньками тянутся шпалеры, на которых медленно и сладостно зреют, висят, первоклассные, гигантские груши – дюшес.

Поглядите на наши парники, на наши оранжереи, на стеклянные колпаки, охраняющие самые нежные и чувствительные ростки. Обратите также внимание на то, что на окраинах, где солнцепек, стены густо вымазаны ярко-белой краской. Там, на трельяжах, доходят томаты, персики, сливы ренклоды, абрикосы и мандарины, впитывающие в себя отраженное, усиленное, горячее солнце. Дальше в огороде вы увидите, что у нас ни одна полоска земли

не лежит втуне. Вот эти валы артишоков. Здесь выращиваются, под прикрытием, дыни канталупы «Женни Линд» и «Генерал Прескотт». Дальше вы видите стройный ряд лип. Это – приют для наших пчел. Четырнадцать ульев у нас, под присмотром казака Гладкова. В оранжерее мы выгоняем ананасы и – не без успехов: у нас охотно их берут большие фруктовые магазины и шикарные рестораны, потому что наши гораздо ароматнее, чем привозные африканские. И наконец, у нас не остаются без дела обширные погреба в нашем доме: там мы выращиваем шампиньоны – для себя и на продажу. И я без хвастовства могу сказать, что дела наши идут отлично: за тринадцать лет существования ферма уже имеет десять золотых медалей и множество похвальных листов. Клиентура наша тверда и обеспечена: продаем все, что выращиваем. Прошлый год дал чистых двести тысяч с лишком. А почему? Потому что все мы – суть работающие на паях: у меня четыре пая, у Гладкова – два, у жены его (отличная работница) один, у прачки (она же кухарка) один. Остаются два пая на наем случайных работников и на хозяйственные мелочи. Эта паевая система – лучший рецепт для вдохновенной работы.

Две десятины земли было у Серебрянникова, и они с первого взгляда показались гостю необыкновенно обширным хозяйством, требующим для ухода за ним, по крайней мере, полсотни усердных работников. Но когда он вместе с хозяином обошел и осмотрел все гряды сада, огорода и цветники; все парники и оранжереи, все плодовые, кустовые, шпалерные и фигурные насаждения; все грунтовые сараи, где в изумительном порядке хранились горками всех сортов удобрения и лежали хозяйственные орудия; загоны для гусей и свиней, отделенные металлической решеткой; проточный пруд для карпов; голубятни; водопроводы и еще очень многое, что не удержалось в зрении и в памяти; когда совсем утомились его ноги, спина и внимание – тогда совершилось странное превращение: богатая ферма, вся залитая, вся переполненная буйными радостями оплодотворения и плодоносия, понемногу стала казаться Горбачеву сначала как будто бы не так уж, не особенно большой, потом совсем небольшой, потом даже маленькой и, наконец, вовсе миниатюрной, вроде японских садов, в которых на квадратном аршине умещаются и река, и мосты, и пагода, и бонзы, и кедры, и цветы, и море, и дальний вулкан...

– Это у вас оттого, – сказал Серебрянников, – что вы непривычно натрудили глаза резким, зеленым светом. Пойдемте-ка в дом; через час ферма станет настоящих размеров.

Вечером, после обеда, гость и хозяин опять, как и вчера, сидели на широком резном балконе и пили чудесное белое вино. Оно было местного, туреннского происхождения, но выдержанное и воспитанное в умелых, любящих руках. Оно оставляло во рту, вместе с легкой сладостью, тот нежный аромат, который свойствен избранным рейнским винам.

Еще не темнело, но дневная жара уже спадала. Слабый, едва заметный ветерок приятно освежал лицо. Казак Гладков ходил между грядами и поливал растения. Овощи он поливал из большой лейки. Приятелям с балкона слышно было, как дробно барабанила о большие листья размельченная, упругая струя. А для цветов казак приносил маленькие леечки и работал с ними осторожно и беззвучно.

И вот тихонько пришло к ним на балкон милое, ласковое, неопишное, ни на что другое не похожее благоухание освеженной резеды. Пришло и принесло с собою свою скромную радость.

Друзья примолкли и долго так сидели, не говоря ни слова в вечерней, благовонной тишине, под смуглеющим небом.

Первым заговорил наконец Серебрянников.

– Странно, – сказал он, – очень странно относились русские люди к резеде, которая как раз всего охотнее растет и всего лучше пахнет в средней, черноземной полосе России. Ни в одних стихах резеда не была воспета, а в романах и повестях она всегда является символом пошлости и мещанства наряду с канарейкой, геранью и олеографической картинкой. Высоко ее ценили и держали не для клиентов, а для себя отличные садовники из чехов и латышей. Но нужно сказать, что любил резеду и русский мужик, который дал цветам такие прекрасные, мет-

кие и поэтические названия и у которого так развито чувство обоняния. Едва только удалось крестьянину путем сверхчеловеческого труда или путем наглого мошенничества выбраться из черной, грязной, курной избы в полутораэтажный новый дом, с палисадником, то первым делом заводил он под окнами резеду «для душевной утехи». Интеллигенция и аристократия никогда не интересовалась этим незаметным цветком, ибо у него не было ни ярких красок, ни больших размеров. А между тем вот чему осмелюсь я уподобить мало заметную резеду в кругу других цветов, пышных, любимых, множество раз воспетых, вошедших даже в историю человечества, в виде гербов и кровавых воспоминаний. Представьте себе, что в некоторой стране, в некотором знаменитом столичном городе был назначен съезд и роскошный бал для всех дам и девиц, прославленных красотой и принадлежащих к самым высокодержавным родам. Вы видите это великолепие костюмов, созданных искуснейшими портнихами мира? Эти фамильные бриллианты в коронах? Эти утонченные манеры? Красоту этих породистых лиц и тел, в которых льется голубая кровь многих веков и сотен поколений? Видите ли их высокие, стройные фигуры, гордо и высоко поднятые головы, самоуверенные, холодные, глядящие сквозь людей взоры? И наконец, слышите ли вы шепот восхищения, томные вздохи, изысканные комплименты, льстивые мадригалы, которые следуют за торжественным шествием венчаных красавиц?

Но вот по залу вдруг проходит молодая девушка. Кто она – мне трудно представить. Фрейлина одной из светлейших дам? Любимая чтица королевы? Последняя принцесса разрушенного великого герцогства? Она не высока ростом, но никакого изъяна нет в ее цветущей, радостной молодости, ни одна неловкая линия не нарушает стройных пропорций ее легкого, точно воздушного тела. Она идет быстро, точно скользит или низко летит над паркетом. В синих глазах у нее теплая ласка, в улыбке – дружеская нежность. Она скоро проходит через зал и исчезает в противоположной высокой двери. И никто из знатных мужчин не остановил на ней своего взора. Лишь юный шестнадцатилетний паж, почти дитя, восклицает во внезапном восторге:

– О, господи, как она хороша! Она в тысячу раз милее всех титулованных, всех знаменитых, всех прославленных красавиц.

Серебрянников остановился, налил два стакана вином и продолжал:

– Вот такая именно девушка – моя прелестная резеда. И так же как милая девушка никем не была замечена, так и о цветке резеда очень немного знают люди. А между тем жизнь ее очень интересна.

Мало кто знает о том, что скрытная резеда горда и застенчива. Вы, может быть, уже слышали или читали об упорной, странной неуживчивости одного цветка с другим. Каждый опытный садовод вам об этом расскажет. Не уживаются друг с дружкой всегда одни и те же породы. Конечно, этим раздорам есть такие ясные причины, что их, пожалуй, поймет и человек.

Например, некоторые растения, распускаясь или отцветая, сбрасывают с себя такое громадное количество мусора, что им покрывается весь сад и венчики всех других цветов; другие выделяют из себя липкие вещества, покрывающие их листья и стебли. Пчелы, бабочки, мотыльки и другие насекомые, переносящие с цветка на цветок их любовную пыльцу, избегают этих растений. Оттого-то опытный садовод никогда не разобьет своего сада поблизости к аллеям из простых тополей или белой акации.

Но гораздо загадочнее и таинственнее вражда между растениями, вызываемая лишь разностью их ароматов. Вы спросите: «Да неужели у цветов есть чувство обоняния?» Кто знает, может быть, и есть. Установил же один немецкий профессор, путем тщательных наблюдений и опытов, что древесные нежные почки обладают способностью видеть предметы, правда, слабо, едва заметно, в образе смутных теней, но все-таки видеть. Отчего же не допустить обоняния у цветков?

И вот в этом неисследованном, темном для нас мире резеда является самым разборчивым цветком. Она не терпит около себя ни гвоздики, ни петунии, ни настурции, ни туберозы, ни гиацинта, ни левкоя, ни ночного табака. И даже к розе, к этой всеми признанной царице цветов, она чувствует стыдливую холодность и почтительность.

– Но вы не думайте! – воскликнул вдруг Серебрянников с неожиданным оживлением. – Не думайте, что во Франции не любят и не чтут резеду за ее превосходный, чудесный аромат. Ведь Франция – первая страна в мире по силе и тонкости обонятельных впечатлений. Знаете ли вы, сколько сортов благородной резеды вывели французские садоводы в своих парниках? Ровно тридцать! И между ними самый удивительный сорт – это резеда с белыми лепестками, благовоние которых несказуемо прекрасно. Этот цветок носил милое название:

«Цветок любви». Теперь он становится редкостью. Увы! вырождается. Секрет ухода за ним пропал со смертью садовника. Но есть у резеды одно, невыгодное для нее свойство: она ни за что не хочет давать из себя своей божественной эссенции, как ни бились над этим величайшие изобретатели тончайших духов в Париже и в Грассе. Очень авторитетный знаток ароматов, господин Живодан, говорил мне однажды в Париже:

– Тысячи опытов производили специалисты по духам, чтобы вытянуть из резеды ее благоухание. Тысячи раз пробовали найти его лабораторным путем. И – ни малейшего успеха! Вот принесите мне в пробирке хоть одну каплю жидкости, благоухающей резедою, и я, за открытие мне вашего секрета, немедленно уплачу вам кругленький миллион наличными деньгами. Но, нет, – это, кажется, выше рук и средств человеческих!..

– И правда, – продолжал Серебрянников и посмотрел на часы. – Нет цветка более чувствительного и более нежного, чем резеда. В грунте и в горшке она цветет долго со скрытой радостью, но только сорвите ее, и – все равно – в воде ли или у вас в руках она через час перестанет пахнуть, а через два – завянет.

Потом хозяин бросил сигару через балкон и спросил:

– Если вы настаиваете на том, чтобы ехать в Париж с ночным поездом, то нам, пожалуй, спустя немного, и пора будет собираться. А может быть, вы передумаете и останетесь ночевать?

– Сердечно благодарю, – сказал Горбачев. – Но мне завтра утром на службу. Вы ведь знаете, как французские патроны пунктуальны.

– Да. Это так, – согласился Серебрянников, – я пойду скажу казаку Гладкову, чтобы запрягал.

На прощанье, перед отъездом, он поднес гостю премилый букет цветов. Но резеды в нем не было.